

БЕРНАР
МИНЬЕР

БЕРНАР
МИНЬЕР

СПИРАЛЬ ЗЛА

Москва
2024

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
М62

Bernard Minier
UN ŒIL DANS LA NUIT

Copyright © XO Éditions, 2023. All rights reserved.
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Миньер, Бернар.

М62 Спираль зла / Бернар Миньер ; [перевод с французского
О. И. Егоровой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-199395-5

В горах, вдали от мира, живет режиссер культовых фильмов ужасов Морбиус Делакруа. У него репутация мизантропа и немного сумасшедшего. Но его это не волнует. Он – гений. Злой гений... Его последний фильм «Орфей, или Спираль Зла» так и не вышел на экраны. Вокруг этой ленты ходят легенды, многие считают ее «проклятой»...

В это время в палате тулузской психиатрической больницы находят зверски убитым мастера по киноспецеффектам. А чуть позже обнаруживают тело звукооператора. И оба они работали с Делакруа над «Орфеем». Что это – совпадение? Или действительно проклятие? Или же...

На эти вопросы должны ответить майор полиции Мартен Сервас и его команда. Но расследование заводит сыщиков в такой мрак и ужас, что отвечать приходится уже на другой вопрос: смогут ли они уцелеть?

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

© Егорова О.И., перевод
на русский язык, 2024
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199395-5

*Посвящается
Амбре, Карлосу, Эмили и Изабель,
которые знают почему*

Ужаса не бывает без воображения.

Артур Конан Дойл

Пролог

— Я умираю, отец мой.

Пациент смотрел прямо на священника. Он сощурил глаза в полутьме палаты, и они живо блеснули из-под прикрытых век.

Человеку, только что произнесшему эти слова, бывшему художнику-оформителю в кино, было пятьдесят восемь лет, и он действительно умирал.

Погода за окном стояла скверная: дул ветер, где-то далеко над горами то и дело вспыхивали молнии. В палате слышался глухой, равномерный механический шум. Из-за закрытой двери небольшого больничного корпуса, несмотря на поздний час, доносились звуки шагов и хлопанье дверей.

Священник наклонился к больному, и его лицо попало в круг света.

— Рак... Он повсюду, отец мой, — произнес Маттиас Ложье. — Метастазы, они это так называют... А я называю их Неприятелем. Потому что это война. И я ее проиграл. У меня не осталось шансов, как ни крути...

Лицо отца Даниэля Эйенги оставалось сосредоточенным. Маттиас был единственным пациентом, который добивался присутствия священника. Медицинский персонал заранее предупредил отца Даниэля. Рак плевры, рак легких в терминальной фазе, причем повреждены уже

брюшина, перикард, яички, гортань... Асбест... несмотря на запреты, его всегда было слишком много на съемочной площадке: декорации, техника...

— Асбест, — сказал Маттиас Ложье, словно угадав мысли юре. — Его было в то время слишком много: и рисованные декорации, и вентиляционные трубы, и даже искусственный снег... Нигде не могли обойтись без асбеста. Нигде. Потом его, правда, запретили. Проклятая болезнь ждала тридцать лет, чтобы потом проявиться.

Священник покачал головой.

Перед ним на полке лежала маленькая пластиковая баночка с крышкой, где было несколько капель елея, масла для соборования, которое он освятил во время последнего богослужения. Прежде чем притронуться к больному, святой отец натянул перчатки.

В свете лампы исхудавшее лицо на подушке, с торчащими, как ножи, скулами было таким серым, словно его долго натирали пеплом, глаза глубоко запали.

Священник огляделся, ища глазами мусорную корзину. Согласно антиковидному протоколу, он не имел права ничего выносить из палаты. Перчатки, баночка и пипетка, которой он капнет масло на язык больному в качестве причастия, — все пойдет в корзину с педалью, а из нее — в огонь на уничтожение. Немного вина священник отлил на мессе, а пипетку купил в аптеке.

— Я попросил вас прийти не только для того, чтобы получить миропомазание, положенное больным, — сказал пациент, и внимание отца Эйенги сразу же переключилось на него. Последнюю фразу Ложье произнес с какой-то странной интонацией.

— Если я расскажу вам о том, что видел, отец мой, вы утратите сон, поверьте мне... *Вы утратите веру в Бога.*

Пациент пристально смотрел на священника. И тот вдруг заметил в глубине глазниц больного свет, от которого по телу пробежала дрожь.

— Что вы хотите этим сказать, сын мой?

— Ад, отец мой... Я когда-то был одним из демонов...

Струя ледяного воздуха коснулась затылка священника.

— Опомнитесь, — сдавленным голосом просипел он, — и никогда такого не говорите.

Вслушавшись в хриплое дыхание Маттиаса, он подумал о его легких, пораженных некрозом.

— Вы даже мысли допустить не сможете, отец мой... даже мысли о том, что я видел, и о том, что мы сделали... Я уверен, что если и есть свет в конце туннеля, то нам этим светом послужит адский огонь.

В словах больного было что-то пугающее и вместе с тем смешное.

По его впалой щеке покатилась слеза. И вдруг рука с торчащей в вене иглой капельницы сжала руку священника в перчатке. Эйенга вздрогнул.

Потом рука, выпустив его, пошарила в ящике прикроватного столика. Там лежал запечатанный конверт. Рука с длинными узловатыми пальцами схватила конверт и протянула его священнику.

— Знаете, отец мой, из-за этого дрянного ковида никто не имеет права выйти отсюда, куда бы то ни было, и я не могу передать это сам. Я очень вас прошу, пожалуйста...

Эйенга виновато взглянул на дверь.

— Вы же прекрасно знаете, что я точно так же не имею права, сын мой.

Он, несомненно, так никогда и не научится говорить «сын мой» человеку старше его, да к тому же еще и при смерти.

— Все предметы, к которым я прикасался, отправятся вот в эту корзину.

— Пожалуйста, отец мой... это очень важно.

Рука, держащая конверт, сильно задрожала. Кюре заметил на крафтовом конверте рисунок в виде спирали, а рядом — имя и фамилию адресата.

— Что это? — спросил он.

— Пожалуйста, отец мой, сделайте это ради меня. Я настаиваю, чтобы конверт был передан лично в руки. Это моя последняя воля.

Гримаса боли исказила его лицо. Вид у него был измученный. Священник посмотрел на имя на конверте.

Кеннет Цорн... «Любопытная фамилия». Подумав, он спросил:

— А кто это?

— Вы без труда найдете его в интернете. Я не знаю его теперешнего адреса. Прошу вас, отец мой, пожалуйста... Это очень важно.

Церковник взглянул на часы. Время посещений давно кончилось, но у него было право на некоторое исключение, особенно учитывая серьезность ситуации. Время от времени палата освещалась вспышками молний. Был июнь месяц с его жаркой погодой, и на нахмуренном лбу священника выступили капли пота.

— Сын мой, я...

— Прошу вас, отец мой, заклинаю, — умолял Ложье. — Если вы хотите спасти человеческую душу... У вас пока есть на это время...

Эйенга колебался. Во рту у него пересохло. Он был современным священником, увлекался новыми технологиями, наукой и не верил никаким предрассудкам. Но одна иррациональная мысль все же закралась ему в голову: в этой комнате сейчас орудует какая-то злая сила.

Священник еще раз вздрогнул, словно от холода. У него было только одно желание: поскорее убраться отсюда. Он взял конверт. Кто такой этот Цорн? И что такое интересное и важное лежит в конверте? На ощупь — какой-то маленький предмет. Драгоценность? Электронный ключ? Он осторожно опустил конверт в карман. Потом взял баночку с освященным елеем, помазал лоб и щеки пациента и произнес фразы, которые слишком часто

приходилось произносить, когда кончалась человеческая жизнь:

— Господь Бог наш, от которого исходит сила, поддерживающая нас. Через Сына своего Ты пожелал исцелить нас от всех наших слабостей и болезней, так выслушай же нашу молитву...

* * *

Десятью минутами позже он уже миновал длинные больничные коридоры и с облегчением вышел в жаркую ночь. Над крышами Акс-ле-Терма с треском чиркали по небу молнии, словно чьи-то невидимые руки раздирали материю ночи. И по-прежнему без капли дождя.

Эйенга ускорил шаг, чтобы быстрее дойти до площади Брейля, где был припаркован его «Вольво».

Кафе были закрыты, огни отеля-ресторана погашены, парковка тоже опустела. В тишине маленького спящего городка колокольня церкви Сен-Венсан взмывала в небо на фоне тьмы и очертаний гор. А за ней гремела и рокотала темнота, исхлестанная молниями.

Сердце священника тоже билось глухо и беспокойно. То, что он увидел в палате умирающего, напомнило ему детство и церемонию «бвити» в деревне на берегу Гвинейского залива, в которой он участвовал. Память все подняла на поверхность. Тихие воды дельты, шумы африканского леса, калебасы и миски с цветным порошком, колдун, бормочущий ритуальные формулы... Ему было восемь лет, когда он участвовал в церемонии в свете свечей.

Сегодня Эйенга испытал воздействие той же скверной силы, что превосходит саму смерть. Тот же атавистический ужас. Почему? Что такое он почувствовал, чего не мог постичь его разум?

Внезапно черное небо разрежала вспышка, гораздо ярче остальных, и в ее ослепительном свете по асфальту

парковки протянулась гигантская тень креста с вершины церковного купола.

Крест был перевернут... и ориентирован прямо на него.

На площади он был один — крошечный силуэт рядом с тенью исполинского креста, которая тянулась к нему.

Какой-то глубинный, древний страх охватил его, и он поспешил открыть машину и сесть за руль.

Ад, отец мой... Когда-то я был одним из демонов...

Священник тронулся с места с бьющимся сердцем, выехал с парковки и быстро, даже слишком быстро покатил по сонным улицам.

Ад, отец мой... Когда-то я был одним из демонов...

Ему стало легче дышать, только когда он отъехал несколько километров от города.

1

*Во сне он видел обезглавленного коня, висящего на тро-
сах в жуткую пургу... Он видел студентов, стоящих во-
круг бассейна, где плавали куклы с неподвижными, широко
открытыми голубыми глазами... Ему снилась немецкая
овчарка, храбрый пес, который в польском лесу, защищая
своего хозяина, дал волкам себя сожрать... И шале, пы-
лающее, словно факел в ночи, и оставшиеся внутри две
проклятые, неприкаянные души... И две сестры в лун-
ном свете, в платьях для первого причастия, которые
держались за руки... И силуэт человека, распластанного
на поверхности застывшего горного озера и покрыто-
го коркой льда... И юный человек-олень, сбитый маши-
ной на пустынной дороге... Много чего еще ему снилось.
Отец, неподвижно сидящий в кресле, с пеной на губах...
И мертвый ребенок, его ребенок... у него перед глазами
раскручивалась бесконечная лента мертвых: мужчин,
женщин, детей... Лента убийств, пыток и резни, ненави-
сти и мести, жажды наживы и чужой глупости. И никто
ничего уже не может изменить: все это кануло во тьму
веков...*

Резкий звук, как стилет, впился ему в ухо.

Он проснулся и сразу все понял. Если телефон звонит
ни свет ни заря, значит, океан ночи вынес на берег еще
один труп.

2

На щите объявлений у входа в психиатрическую больницу слева были обозначены лечебные кабинеты, кафетерий и аудитория, а справа — административные службы, парковка, ресторан для персонала и приемный покой.

Но ему не было надобности ориентироваться по щиту объявлений: вращающиеся фонари на крышах полицейских машин освещали пространство впереди, за барьером, высвечивая монументальную галерею аркад, увенчанную стрелой капеллы.

Он подъехал к этому месту, вышел из машины и спросил, где все произошло, у дежурного, бездельничавшего возле галереи. Судя по всему, тот не видел места преступления, иначе не был бы таким безмятежно спокойным. Он прошел под козырьком входной двери и свернул направо, в открытую галерею, проходя одну аркаду за другой. В лицо ему ударил пока еще неяркий луч утреннего солнца.

Вот она, архитектура прошлого века: неф из тяжелого мрачного камня, однако же задуманный для того, чтобы врачевать и укреплять души... Так размышлял он, попадая то в полосу низкого утреннего света, то в тень колонн. Однако души, в отличие от вещей материальных, починить невозможно. Самое большее, что можно сделать, это помочь им не погубить себя и просто выжить.

И все-таки кто-то здесь отнял жизнь у другого.

— Извини, Сервас, что я тебя разбудил, — сказал по телефону новый дивизионный комиссар. — У нас убийство.

— Убийство? — переспросил Мартен, еще не совсем проснувшись.

Его, кстати, выдернули из очень неприятного сна. Ему снились все мертвые, оставшиеся на обочине его дороги, все, чьи жизни прервались раньше времени, все, кто расцвел его карьеру сыщика.

— Будет лучше, если ты сам приедешь и помотришь.

Сервас покосился на незанятую и холодную половину постели. Стоя под душем, он размышлял, проснулся ли Радомил, его сосед по площадке, музыкант, несколько лет назад переехавший в Тулузу вместе с дочерью, и сможет ли он доверить им Гюстава. Тут раздался телефонный звонок. На этот раз звонил Венсан Эсперандье, его заместитель.

— Ты уже едешь?

— Нет еще.

— У тебя есть с кем оставить Гюстава? — спросил Венсан.

— Я рассчитывал попросить Анастасию, дочку соседа. Она всегда ищет подработку.

— Да брось ты. Я уже попросил Шарлен заехать за ним. Он позавтракает вместе с Флавианом и Меган.

Шарлен Эсперандье — очень красивая женщина, жена Венсана. Сын Серваса будет рад позавтракать с ней и со своими «кузенами», как он называет детей Эсперандье. Ведь Венсан был не только его заместителем, но и лучшим другом. Может быть, единственным другом. Конечно, не считая Самиры Чэн, еще одного члена его следственной группы. Но Самира была слишком другой, слишком независимой и держалась особняком. Мартен еще раз подумал, что если хочет стать ближе к сыну, то сейчас для этого самое время. Чем старше становится Гюстав, тем меньше ему хочется проводить время с отцом. Решение этой проблемы было ему прекрасно известно: уйти из уголовной полиции и в другом полицейском подразделении найти себе спокойное место, с четким расписанием и свободными выходными, а все остальное послать к чертям.

И ему хотелось больше времени посвящать Леа, если она, конечно, вернется из Африки...

Леа... В сердце сразу закололо.

Невдалеке Сервас заметил еще одного полицейского в форме, предъявил ему удостоверение, и тот показал ему